
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 347.63+342.56

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).129-138

(CC) BY 4.0

ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.И. Сурдина¹, М.А. Липчанская^{1,2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

16 июля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Исследуется правовая природа преюдиции судебных решений в контексте семейных споров, затрагивающих права несовершеннолетних. Анализируется доктринальное противоречие между доказательственной сущностью преюдиции и свойством обязательности судебных актов. На примере конкретных дел обосновывается необходимость ограничения преюдициальности, когда ее формальное применение противоречит принципу приоритетной защиты интересов ребенка. Формулируются критерии допустимого отступления от преюдиции для обеспечения эффективной судебной защиты прав детей.

Ключевые слова

Права и интересы

несовершеннолетних, защита
прав детей, баланс интересов,
рассмотрение споров, судебные
решения, преюдиция,
обязательность судебных актов,
духовно-нравственные ценности

THE PREJUDICIAL FORCE OF COURT DECISIONS IN CASES INVOLVING THE RIGHTS AND INTERESTS OF MINORS

Anna I. Surdina¹, Maria A. Lipchanskaya^{1,2}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia

Article info

Received –

2025 July 16

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

The subject. The subject of this research is the legal nature of the prejudicial effect of judicial decisions and the rationale for establishing permissible limits of its restriction in the resolution of family law disputes directly affecting the rights and protected interests of minors.

The aim of the article is to characterize the general grounds for limiting the prejudicial force of court acts, as established in the legal practice of the Russian courts, and to subsequently develop a framework of criteria defining the admissible boundaries of such a departure. The ultimate objective is to ensure the effective and prioritized protection of the rights and best interests of minors in family litigation.

Methodology. The study is based on a combination of general scientific and specific legal methods. General scientific methods include deduction, analysis, and synthesis. The specific legal methodology comprises the formal-legal (dogmatic) method, the legal interpretation method (construing legal norms), and the comparative legal approach.

Main results. Departure from the prejudicial effect of a judicial decision in disputes concerning the rights of minors is not only admissible but also expedient within legally defined limits. The paper substantiates the necessity of striking a balance between two competing legal values: the stability and binding force of judicial acts (prejudice) and ensuring the effective judicial protection of the child's best interests.

Conclusions. The legal nature of prejudice may systematically conflict with the principle of priority and effective protection of the rights and interests of minors when resolving family disputes. It is necessary to develop special criteria for the admissibility of derogation from the prejudicial force of judicial decisions. These include: (1) the criterion of materiality is the presence of serious procedural and material violations during the previous decision, which cannot be eliminated by appealing a judicial act; (2) the criterion of dynamism is the emergence of new circumstances or a change in existing ones since the previous decision was made; (3) the criterion of a conflict of interest is motivated conclusions that adequate protection of the minor was not provided in the previous process, as a result of which the formal application of prejudice leads to a clear and significant violation of his rights and interests. These criteria should be applied by the court in aggregate, as part of the implementation of the principle of judicial discretion, aimed at establishing a fair balance between the stability of judicial acts and the protection of the highest constitutional value of childhood.

1. Введение

«Человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет»¹ – этот постулат, декларированный в 1959 г., актуален как никогда сегодня в России в условиях защиты духовно-нравственных ценностей. С 2018 по 2027 г. в Российской Федерации объявлено Десятилетие детства², приоритетная задача которого – защита прав каждого ребенка, создание условий для комфортного проживания и развития в семье. К сожалению, зачастую данная задача неразрешима без участия правосудия. В системе государственного устройства судебная власть, реализующая свои юрисдикционные полномочия, ориентирована на разрешение правовых споров о действительном либо предполагаемом нарушении прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. В этом контексте актуализируется важность эффективности рассмотрения судебных споров, особенно затрагивающих права и интересы несовершеннолетних.

Одним из способов, посредством которого возможно повысить эффективность отправления отечественного правосудия, является институт преюдиции, представляющий собой межотраслевой институт, затрагивающий не только вопросы доказательственного права, но и непосредственно касающийся пределов действия актов правосудия в различных видах судопроизводства, диалектической связи между ними. Цель настоящей статьи заключается в выявлении на основе онтологического анализа правовой природы преюдиции судебных решений и правоприменения данного института при рассмотрении споров, затрагивающих права и интересы детей, пределов и универсальности преюдициальности. Для этого необходимо решить несколько конкретных исследовательских задач: выявить правовую природу судебных решений, что позволит, применяя совокупность общих и частнонаучных методов познания, охарактеризовать общие основания ограничения преюдициальной силы судебных решений в правовых позициях Конституционного Суда (далее – КС) РФ. Уясненные доктринальные аспекты потенциально обеспечивают решение правоприменимых задач, поставленных авторами: сформулировать позицию о целесообразности и допустимости отступления от преюдициальной силы судебных решений по семейным спорам, затрагивающим права и интересы несовершеннолетних, обозначить приоритетность и суть баланса между преюдициальностью судебных решений и эффективной защитой прав и интересов несовершеннолетних.

2. Правовая природа преюдиции судебных решений

Преюдиция является фундаментальным институтом процессуального права, обеспечивающим стабильность и непротиворечивость судебных актов. Вопросам применения преюдиции, ее места и роли в вопросах доказательственного права, повышения эффективности отправления правосудия уделяется достаточно внимания [1–3]. Однако практически отсутствуют работы, в которых преюдиция рассматривалась бы с точки зрения дифференциации судопроизводства, содержания судебной деятельности в различных видах споров, и в первую очередь – в спорах

¹ Декларация прав ребенка 1959 г. (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385.

² Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3309.

рах, где затрагиваются права и интересы несовершеннолетних.

В самом общем виде под преюдицией понимается обязательность для суда обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, при разбирательстве нового дела с участием тех же лиц. Данный институт выполняет двоякую функцию: с одной стороны, он освобождает лиц, участвующих в деле, от повторного доказывания уже установленных фактов, а с другой – связывает суд этими фактами, не позволяя их переоценивать или оспаривать. Таким образом, преюдиция служит важным инструментом процессуальной экономии, предотвращает вынесение противоречащих друг другу судебных актов и способствует укреплению авторитета судебной власти.

Нормативной основой института преюдиции в гражданском процессе выступают положения ч. 2 ст. 61 и ч. 2 ст. 209 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ. Часть 2 ст. 61 ГПК РФ устанавливает, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица. Данная норма закрепляет преюдицию прежде всего как основание освобождения от доказывания, подчеркивая ее доказательственную природу и связь с принципом состязательности. В отличие от этого, ч. 2 ст. 209 ГПК РФ акцентирует иной аспект, который существенно расширяет объективные пределы преюдиции, распространяя ее не только на установленные факты (фактические обстоятельства), но и на правовую квалификацию этих фактов, т. е. на правоотношения.

Сопоставление этих двух норм выявляет ключевое доктринальное противоречие: является ли преюдиция исключительно институтом доказательственного права или же она представляет собой свойство законной силы судебного решения, тесно связанное с его обязательностью и исключительностью? Это противоречие напрямую влияет на ответ на другой важнейший вопрос: преюдицируются только ли факты или также их правовая оценка (правоотношения)? Эти вопросы до настоящего времени являются предметом живой дискуссии в доктрине.

Так, А.В. Ильин проводит фундаментальное разграничение между свойствами законной силы судебного решения – преюдициальностью и обязательностью – и заключает, что смешение этих свойств приводит к непреодолимым практическим коллизиям. По его мнению, преюдициальность имеет сугубо до-

казательственную природу и представляет собой ограничение принципа состязательности, освобождая от доказывания только факты, установленные в мотивированной части решения. Обязательность же, будучи свойством, не имеющим субъективных пределов, обеспечивает неоспоримость выводов, изложенных в резолютивной части решения, включая установленные правоотношения. Он приходит к выводу, что для обеспечения правовой определенности и исключительности судебного решения выводы суда, изложенные в резолютивной части (включая установленные правоотношения и факты), должны обладать свойством обязательности для суда, рассматривающего другое дело с участием тех же лиц. Таким образом, он предлагает разрешать коллизию не через расширение преюдиции, а через корректное применение свойства обязательности [4].

П.Н. Мацкевич, анализируя исторические и сравнительно-правовые аспекты, также подчеркивает доказательственную сущность преюдиции. Он отмечает, что в условиях состязательности бремя доказывания лежит на сторонах, и преюдиция фактов является справедливым последствием их процессуальной активности (или пассивности) в предыдущем процессе. В то же время правовая оценка всецело относится к компетенции суда и судебной дискреции, и стороны не несут риска за ее ошибочность, что ставит под сомнение обоснованность распространения на нее преюдициального эффекта. В центральном вопросе дискуссии о том, может ли правовая оценка фактов (установление правоотношений) быть преюдициальной, П.Н. Мацкевич занимает более жесткую позицию, утверждая, что правовая оценка фактов не должна преюдицироваться [5].

Интересная позиция высказана в диссертационном исследовании Д.Н. Чушенко. Он, отказавшись от анализа института преюдиции только с точки зрения правил и стандартов доказывания, положил в основу исследование судебно-властных полномочий судебных органов и юридической силы актов правосудия [2, с. 145]. Это позволило утверждать, что институт преюдиции является производной категорией, вытекающей из правоприменительной деятельности суда, а презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения, в свою очередь, предопределяет истинность обстоятельств, составляющих его фактическую сторону и положенных в основу судебного решения.

Весьма немаловажна для оценки места и роли преюдиции в отечественном судопроизводстве, влияния на его эффективность, в том числе при разрешении судебных споров, затрагивающих права и ин-

тересы детей, а также пределы преюдиционной действий, концепция объективной истины [6; 7]. Как известно, доктрина поиска объективной истины в советском праве, превалирующая над принципом со-стязательности сторон, ориентирована на объективное, полное и всестороннее разбирательство при рассмотрении не только уголовных, но и гражданских дел [8–10]. Концепция отправления правосудия в современном российском государстве исходит из конституционных принципов независимости судебной власти и фундаментальных конституционных ценностей [11], что актуализирует исследование специфики преюдициальности судебных решений при рассмотрении споров, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних.

Таким образом, анализ научных позиций демонстрирует глубокую теоретическую дискуссию. С одной стороны, преюдиция рассматривается как су-губо доказательственный институт, ограничивающийся установленными фактами. С другой – существует понимание необходимости обеспечения обязательности правовых выводов суда для тех же лиц, что достигается либо через расширительное толкование преюдиции, либо через корректное применение свойства обязательности законной силы решения.

Это противоречие имеет непосредственное значение для семейных споров, затрагивающих права и интересы детей, где вопрос о преюдиции правовой оценки, установленного в предыдущем решении, приобретает особую остроту.

3. Общие основания ограничения преюдициальной силы судебных решений в позициях Конституционного Суда РФ

В продолжение анализа доктрины, разделяющей преюдицию судебных решений как с позиции преюдиции фактов, так и с позиции преюдиции правовой оценки обстоятельств, целесообразно рассмотреть ключевые позиции КС РФ, касающиеся данного вопроса. Поскольку рассматриваемый нами институт имеет широкое межотраслевое значение, вопросы обязательности вступивших в законную силу судебных решений поднимаются судом относи-

тельно различного круга правоотношений. При этом необходимо отметить достаточную гибкость высшего судебного органа конституционного контроля в данном вопросе.

В соответствии с правовыми позициями КС РФ³ общая концепция преюдициальности судебных актов определена, в том числе, требованиями об их обязательности, неопровергимости, исключительности и исполнимости. Однако, по мнению суда, данный аспект не предполагает придания преюдициальности судебных решений безграничного значения, но требует установления пределов ее действия, а также порядка опровержения.

При этом как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными. Суд, рассматривающий дело, с одной стороны, не может без достаточных на то оснований оставить без внимания ни обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами, ни правовую квалификацию, если эти обстоятельства имеют значение и должны быть подтверждены в рамках того дела, которое разрешает суд.

Указанные выводы, хоть и иллюстрируют общую правовую позицию относительно преюдициальной природы судебных решений, при этом устанавливают ее пределы преимущественно в отношении различных видов судопроизводства, а также различных категорий дел с участием разных сторон. Между тем перечисленных оснований недостаточно для того, чтобы на практике они априори были применимы к семейным правоотношениям, поскольку они преимущественно рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства, являются длящимися и относительно субъектнепостоянными, поскольку затрагивают права и интересы одних и тех же лиц. Однако справедливости ради необходимо отметить, что в судебной практике разрешения семейных споров также можно встретить случаи отступления от принципа преюдициальности судебных решений и по подобным по делам.

³ См. постановления КС РФ от 25 декабря 2023 г. № 60-П «По делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Филатова» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 381), от 12 мая 2021 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 1.5, части 1 статьи 2.1, части 1 статьи 15.6, пункта 1 части 1, части 3 ста-

тьи 28.1 и примечания к этой статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Н.Н. Корецкой» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 21. Ст. 3672), Определение КС РФ от 23 июля 2020 г. № 1898-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (СПС «Гарант») и др.

4. Отступление от преюдициальной силы судебных решений по семейным спорам, затрагивающим права и интересы несовершеннолетних

Обратимся к специфике правовой природы преюдиции в семейных спорах, непосредственно затрагивающих права и интересы несовершеннолетних. Данная сфера представляет собой некую основу для коллизии классических доктринальных подходов к преюдиции и особого, усиленного режима защиты прав ребенка.

Яркой иллюстрацией проблематики применения преюдиции в спорах, затрагивающих права детей, служит Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда (далее – ВС) РФ от 29 сентября 2015 г. № 5-КГ15-75 по делу по иску Соложенниковой Н.А. к Соложенникову Д.В. об установлении отцовства⁴.

Решением Чертановского районного суда г. Москвы от 1 марта 2004 г., вступившим в законную силу, было удовлетворено заявление Соложенникова Д.В. об оспаривании записи об отцовстве в отношении ребенка, рожденного Соложенниковой Н.А. в период брака. Основанием для удовлетворения иска послужило применение ч. 3 ст. 79 ГПК РФ: истица уклонилась от проведения судебно-генетической экспертизы, в связи с чем суд признал факт отцовства опровергнутым. Спустя годы Соложенникова Н.А. обратилась в Чертановский районный суд г. Москвы с иском к бывшему супругу об установлении отцовства и взыскании алиментов. Суд первой инстанции в новом решении от 30 октября 2014 г. иск удовлетворил, также применив ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, но уже против ответчика, который на этот раз сам уклонился от экспертизы. Однако суд апелляционной инстанции определением от 14 января 2015 г. отменил это решение и отказал в иске, сославшись на преюдициальность решения от 1 марта 2004 г., указав, что вопрос о происхождении ребенка уже был окончательно разрешен ранее между теми же сторонами, и его пересмотр недопустим в силу ст. 61 ГПК РФ.

ВС РФ не согласился с таким выводом, отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение, указав на существенное нарушение норм материального и процессуального права и мотивировав свою позицию тем, что «решение от 2004 года не могло обладать преюдициальной силой в данном споре», несмотря на формальное участие тех же лиц. Суд подчеркнул, что это решение было постановлено исключительно на основе про-

цессуального последствия уклонения одной из сторон от экспертизы без исследования и установления фактических обстоятельств дела – биологического происхождения ребенка. Таким образом, хотя решение и вступило в законную силу, в его основе не лежало установление объективной истины.

Более того, ВС РФ акцентировал внимание, что апелляционная инстанция, автоматически применив формальные правила преюдиции, проигнорировала не только потенциально новые фактические обстоятельства, но и, что важнее, их правовую квалификацию в интересах несовершеннолетнего. С момента первого решения прошло более десяти лет, и приоритетом должно было стать не формальное соблюдение процессуальной доктрины, а реализация прав ребенка, провозглашенных ст. 54, 55 Семейного кодекса РФ и Конвенцией ООН о правах ребенка, – право знать своих родителей, право на заботу с их стороны и на защиту своих интересов.

Данный подход ВС РФ свидетельствует о том, что в делах, затрагивающих права несовершеннолетних, классическое понимание преюдиции уступает верховенству принципа приоритетной защиты интересов ребенка. По мнению суда, преюдиция не может служить непреодолимым препятствием для новой оценки обстоятельств, если предыдущее решение было вынесено без полноценного исследования фактической стороны дела, поскольку это может противоречить текущим интересам несовершеннолетнего. Это позволяет сделать вывод о том, что в семейных спорах о детях преюдиция, особенно в части правовой оценки, должна применяться с исключительной осторожностью и рассматриваться через призму приоритета интересов ребенка, что логично подводит нас к вопросу о том, как обеспечен этот приоритет в рамках процессуального положения самого несовершеннолетнего.

По замечаниям Г.К. Зайнуллиной и А.В. Манкиевой, несмотря на законодательно закрепленные принципы состязательности и равенства, на практике одна сторона зачастую является более сильной, что дает основания доктрине дискутировать о формальности равенства прав и обязанностей лиц, участвующих в деле [12, с. 86]. О такой формальности можно говорить, в частности, когда спор напрямую затрагивает интересы ребенка, поскольку сам несовершеннолетний, в силу отсутствия полной гражданской процессуальной дееспособности, не может являться самостоятельной стороной, а его права и интересы, в

⁴ СПС «Гарант».

соответствии со ст. 37, 52 ГПК РФ, защищаются в процессе законными представителями (родителями, усыновителями, опекунами, попечителями). Таким образом, процессуальная роль ребенка зачастую сводится к положению лица, чье мнение подлежит учету, в то время как активная процессуальная деятельность осуществляется его представителем. Это создает потенциальный конфликт интересов, особенно в спорах между родителями, где законный представитель одновременно является стороной по делу, преследующей собственные интересы, которые могут не совпадать с интересами ребенка.

Как справедливо отмечает А.Н. Левушкин, «при рассмотрении судами дел, связанных с правами детей, не исключается предвзятая оценка судом доказательств по делу, когда речь идет о сложной ситуации, затрудняющей определение подлинных интересов ребенка» [13, с. 675]. Данные обстоятельства также обусловливают высокую степень уязвимости процессуального положения несовершеннолетнего и требуют особых гарантий его защиты. Нельзя не согласиться с Д.В. и Л.В. Потаповыми в том, что «отечественное процессуальное законодательство практически не учитывает специфику разбирательства дел с участием детей» [14, с. 62]. Эта правовая неопределенность напрямую влияет на реализацию права ребенка на защиту и естественным образом требует корректировки применения общих правовых институтов при рассмотрении дел с участием несовершеннолетних, в том числе подтверждая тезис о том, что в делах, затрагивающих права детей, формальное применение преюдиции, особенно в части правовой оценки, может вступить в противоречие с динамично меняющейся ситуацией и реальными интересами ребенка, требующими новой судебной оценки в каждом конкретном случае.

5. Обеспечение баланса между преюдициальностью судебных решений и эффективной защитой прав и интересов несовершеннолетних

Российское законодательство о детях и правах ребенка в настоящее время также характеризуется известной противоречивостью [15, с. 80], изобилует множеством оценочных понятий, неопределенностей, фрагментарностью и несистемностью, гражданско-правовые механизмы регулирования, содержащиеся в семейном законодательстве, не всегда

отвечают семейным ценностям, что несомненно осложняет применение и толкование семейного законодательства и приводит к судебным ошибкам [16, с. 2–3]. В российском обществе, ориентированном на традиционные духовно-нравственные ценности, приоритет прав и интересов детей, обеспечение их личной безопасности [17], объективно возникает необходимость выявления баланса между преюдициальностью судебных решений и эффективной защитой прав и интересов несовершеннолетних. Как представляется, преюдициальность судебных решений не должна становиться барьером, если их содержание противоречит конституционным принципам, а также приоритетным принципам защиты прав детей, закрепленным международными нормами.

КС РФ неоднократно подтверждал, что права и свободы не являются абсолютными и могут быть ограничены в конституционно значимых целях, в том числе таких, как защита семьи, материнства, отцовства и детства, признания детей важнейшим приоритетом государственной политики (ст. 7, ст. 38, ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Однако такое ограничение всё же должно быть соразмерным, обоснованным и не нарушать баланс конституционных ценностей⁵, поэтому вопрос о пределах действия преюдициальности судебных решений необходимо разрешать в свете принципа обеспечения наилучших интересов детей.

Как указывает М.И. Тарасова, «в рамках судебной системы принцип означает, что в любом судебном деле, где ребенок является стороной, его интересы должны стоять на первом месте и решения, которые принимаются в данном деле, должны соответствовать наилучшим интересам ребенка, а не интересам других сторон или общества в целом» [18, с. 433]. Так как принципы защиты прав детей обладают межотраслевым характером, они не могут и не должны быть ограничены исключительно нормами семейного законодательства [19, с. 363], что дает возможность судам, рассматривающим семейные споры, выходить за пределы обязательности принятых ранее судебных решений, если они вынесены с нарушением материального или процессуального права и явно противоречат интересам детей. В свою очередь интересы ребенка должны служить некой «системой координат», в рамках которых должна

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго ста-

тьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкевой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 11. Ст. 1881.

рассматриваться ситуация, в которой находится ребенок [20, с. 100].

Данная позиция никоим образом не умаляет принципа равенства сторон в судебном процессе, однако позволяет судам в исключительных случаях пересматривать преюдициальные оценки, если того требуют интересы несовершеннолетнего. Кроме того, такая позиция коррелирует с позицией КС РФ, который ранее также обращал внимание на то, что при определении справедливого баланса между конкурирующими интересами особое значение необходимо придавать коренным интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей⁶.

6. Заключение

Проведенное исследование показало, что правовая природа преюдиции, традиционно понимаемая как средство обеспечения стабильности и непропорциональности установленных судом фактов и правоотношений, при разрешении семейных споров может вступать в системное противоречие с принципом приоритетной и эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Специфика семейных споров, в частности их делящийся характер, относительная субъектная постоянность и высочайшая значимость охраняемых благ, обуславливает необходимость разработки специальных критериев допустимости отступления от преюдициальной силы судебных решений. К их числу предлагается отнести: 1) критерий существенности – наличие серьезных процессуальных и материальных нарушений при вынесении предыдущего решения, которые невозможно устраниить путем обжалования судебного акта; 2) критерий динамичности – возникновение новых обстоятельств или изменение существующих с момента вынесения предыдущего решения; 3) критерий конфликта интересов – мотивированные выводы о том, что в предыдущем процессе не была обеспечена надлежащая защита несовершеннолетнего, вследствие чего формальное применение преюдиции приводит к явному и существенному нарушению его прав и интересов. Данные критерии должны применяться судом в совокупности в рамках осуществления принципа судейского усмотрения, направленного на установление справедливого баланса между стабильностью судебных актов и защитой высшей конституционной ценности детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зацепина О. Е. Правовые презумпции и правовые фикции: соотношение и развитие : дис. ... канд. юрид. наук / О. Е. Зацепина. – Барнаул, 2022. – 225 с.
2. Чушенко Д. Н. Преюдиция как фактор повышения эффективности судебной деятельности : дис. ... канд. юрид. / Д. Н. Чушенко. – Ростов н/Д., 2017. – 176 с.
3. Карданец А. В. Преюдиции в российском праве: Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Карданец. – Н. Новгород, 2002. – 181 с.
4. Ильин А. В. К вопросу о содержании преюдициальности – свойства законной силы судебного решения / А. В. Ильин // Закон. – 2015. – № 3. – С. 93–100.
5. Мацкевич П. Н. Еще раз к вопросу о преюдиции в гражданском судопроизводстве / П. Н. Мацкевич // Закон. – 2019. – № 2. – С. 96–110.
6. Резник Г. М. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия / Г. М. Резник // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 238–243.
7. Ляхов Ю. А. Надо ли устанавливать истину по уголовному делу / Ю. А. Ляхов // Закон. – 2015. – № 1. – С. 107–108.
8. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В. М. Баранов ; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 400 с.
9. Афанасьев С. Ф. Краткий обзор проблемы истины в гражданском процессуальном праве и судопроизводстве / С. Ф. Афанасьев // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2006. – № 4. – С. 175–208.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Фе-

дерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 25. Ст. 3246.

10. Виноградова Е. А. Процессуальные сроки истина в состязательном гражданском процессе: сравнительно-правовой аспект / Е. А. Виноградова // *Forging a Common Legal Destiny*. – London : Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2005. – Vol. 2. – P. 813–866.
11. Афанасьев Л. С. Судебный процесс как воплощение справедливости: политico-правовые аспекты / Л. С. Афанасьев // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2024. – № 2. – С. 324–331. – DOI: 10.24412/1608-8794-2024-2-324-331.
12. Зайнуллина Г. К. Конституционные принципы судопроизводства / Г. К. Зайнуллина, А. В. Манкиева // *Вестник экспертного совета*. – 2022. – № 2 (29). – С. 83–90.
13. Левушкин А. Н. Судебная власть и защита прав несовершеннолетних в России: проблемы и особенности применения / А. Н. Левушкин // Левушкин А. Н. Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права : науч. воззрения д-ра юрид. наук, проф. А. Н. Левушкина : моногр. : в 2 т. / А. Н. Левушкин. – М. : Юстицинформ, 2023. – Т. 1. – С. 673–677.
14. Потапов Д. В. Особенности участия несовершеннолетних в гражданском процессе / Д. В. Потапов, Л. В. Потапова // *The Scientific Heritage*. – 2022. – № 84-5. – С. 60–62.
15. Павленко Е. М. Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей: международные стандарты и практика в России / Е. М. Павленко // *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*. – 2021. – № 4 (44). – С. 75–85. – DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08.
16. Беспалов Ю. Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ : науч.-практ. пособие / Ю. Ф. Беспалов. – М. : Проспект, 2025. – 224 с.
17. Липчанская М. А. Личная безопасность несовершеннолетних как конституционная ценность в условиях современных вызовов и угроз / М. А. Липчанская // *Право – явление цивилизации и культуры* : сб. тр. конф. / отв. ред. М. В. Немытина. – М. : РУДН, 2019. – Вып. I. – С. 528–536.
18. Тарасова М. И. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка в российской судебной системе / М. И. Тарасова // *Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества Независимых Государств* : сб. науч. тр. : к 30-летию Конституции Рос. Федерации. – М. : Саратовский источник, 2023. – С. 431–437.
19. Сурдина А. И. Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права / А. И. Сурдина // *Власть Закона*. – 2023. – № 3 (55). – С. 351–364.
20. Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России / Н. В. Кравчук // *Актуальные проблемы российского права*. – 2017. – № 5. – С. 97–103. – DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103.

REFERENCES

1. Zatsepina O.E. *Legal Presumptions and Legal Fictions: Correlation and Development*, Cand. Diss. Belgorod, 2022. 225 p. (In Russ.).
2. Chushenko D.N. *Prejudice as a Factor in Increasing the Effectiveness of Judicial Activity*, Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2017. 176 p. (In Russ.).
3. Kardanets A.V. *Prejudices in Russian Law: Problems of Theory and Practice*, Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2002. 181 p. (In Russ.).
4. Il'in A.V. On the Content of Prejudice – the Property of the Legal Force of a Court Decision. *Zakon*, 2015, no. 3, pp. 93–100. (In Russ.).
5. Matskevich P.N. Once Again on the Issue of Prejudice in Civil Proceedings. *Zakon*, 2019, no. 2, pp. 96–110. (In Russ.).
6. Reznik G.M. The Institute of Objective Truth as a Cover for the Repressiveness of Justice. *Biblioteka kriminialista = Criminalist's Library*, 2012, no. 4 (5), pp. 238–243. (In Russ.).
7. Liakhov Iu.A. Is It Necessary to Establish the Truth in a Criminal Case?. *Zakon*, 2015, no. 1, pp. 107–108. (In Russ.).
8. Baranov V.M. *The Truthfulness of the Norms of Soviet Law. Problems of Theory and Practice*, ed. by M.I. Baitin. Saratov, Saratov University Publ., 1989. 400 p. (In Russ.).
9. Afanas'ev S.F. A Brief Overview of the Problem of Truth in Civil Procedural Law and Proceedings. *Rossiiskii ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa = Russian Yearbook of Civil and Arbitration Procedure*, 2006, no. 4, pp. 175–208. (In Russ.).

10. Vinogradova E.A. Procedural Time Limits and Truth in Adversarial Civil Proceedings: A Comparative Legal Aspect, in: *Forging a Common Legal Destiny*, London, Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2005, vol. 2, pp. 813–866. (In Russ.).
11. Afanas'ev L.S. Judicial Process as the Embodiment of Justice: Political and Legal Aspects. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2024, no. 2, pp. 324–331. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-2-324-331. (In Russ.).
12. Zainullina G.K., Mankieva A.V. Constitutional Principles of Legal Proceedings. *Vestnik ekspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*, 2022, no. 2 (29), pp. 83–90. (In Russ.).
13. Levushkin A.N. Judicial Power and Protection of Minors' Rights in Russia: Problems and Features of Application, in: Levushkin A.N. *Ensuring the Balance of Private Law Regulation of Public Relations in the Paradigm of Convergence of Legal Norms*, Scientific Views of Doctor of Law, Professor A.N. Levushkin, Monograph, in 2 volumes, Moscow, Yustitsinform Publ., 2023, vol. 1, pp. 673–677. (In Russ.).
14. Potapov D.V., Potapova L.V. Features of Participation of Minors in Civil Proceedings. *The Scientific Heritage*, 2022, no. 84-5, pp. 60–62. (In Russ.).
15. Pavlenko E.M. Ensuring the Best Interests and Safety of Children: International Standards and Practice in Russia. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Moscow City University. Series: Legal Sciences*, 2021, no. 4 (44), pp. 75–85. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08. (In Russ.).
16. Bespalov Yu.F. *Family Relations and Family Disputes in the Practice of Russian Courts*, Scientific and Practical Guide. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 224 p. (In Russ.).
17. Lipchanskaya M.A. Personal Safety of Minors as a Constitutional Value in the Face of Modern Challenges and Threats, in: Nemytina M.V. (ed.). *Pravo – yavlenie tsivilizatsii i kul'tury*, Moscow, RUDN University Publ., 2019, iss. I, pp. 528–536. (In Russ.).
18. Tarasova M.I. The Principle of the Best Interests of the Child in the Russian Judicial System, in: *Priority konstitutsionnogo razvitiia Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv*, Collection of scientific works, To the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation, Moscow, Saratovskii istochnik Publ., 2023, pp. 431–437. (In Russ.).
19. Surdina A.I. Principles of Protection of Children's Rights: Concept, Essence and Place in the System of Principles of Russian Law. *Vlast' Zakona = Power of Law*, 2023, no. 3 (55), pp. 351–364. (In Russ.).
20. Kravchuk N.V. The Best Interests of the Child: The Content of the Concept and Its Place in the Family Legislation of Russia. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 5, pp. 97–103. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сурдина Анна Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека отделения «Высшая школа правоведения» Юридического факультета ИПНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82/1
E-mail: surdina-ai@ranepa.ru
ORCID: 0009-0003-5807-0810
ResearcherID: OGP-0815-2025
SPIN-код РИНЦ: 4551-8863; AuthorID: 1183452

Липчанская Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, ¹профессор кафедры прав человека отделения «Высшая школа правоведения» Юридического факультета ИПНБ, ²профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Anna I. Surdina – PhD in Law, Associate Professor, Department of Human Rights of the School of Law at the Faculty of Law ILNS *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*
82/1, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia
E-mail: surdina-ai@ranepa.ru
ORCID: 0009-0003-5807-0810
ResearcherID: OGP-0815-2025
RSCI SPIN-code: 4551-8863; AuthorID: 1183452

Maria A. Lipchanskaya – Doctor of Law, Professor; ¹Professor, Department of Human Rights of the School of Law at the Faculty of Law ILNS; ²Professor, Department of Constitutional Law named after N.V. Vitruk

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

² Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

¹ 119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82/1

² 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

E-mail: lipchan_maria@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4410-0578

ResearcherID: ABC-6179-2020

SPIN-код РИНЦ: 9665-2557; AuthorID: 360796

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

² Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

¹ 82/1, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia

² 69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 1117418, Russia

E-mail: lipchan_maria@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4410-0578

ResearcherID: ABC-6179-2020

RSCI SPIN-code: 9665-2557; AuthorID: 360796

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сурдина А.И. Преюдициальность судебных решений при рассмотрении споров, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних / А.И. Сурдина, М.А. Липчанская // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 129–138. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).129-138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Surdina A.I., Lipchanskaya M.A. The prejudicial force of court decisions in cases involving the rights and interests of minors. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 129–138. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).129-138. (In Russ.).